

УДК 81. 003.23:811.512.122

МРНТИ 16.21.65

<https://doi.org/10.48371/PHILS.2025.1.76.008>

**КАЗАКСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ 1925 года
(QAZAQSA-ORISSA TILMAŞ):
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

*Илиуф Х.Ш.¹, Солтанбекова О.Т.²

*^{1,2}Университет им. Шакарима, Семей, Казахстан

Аннотация. В постиндустриальном обществе высокоразвитых государств, оказывающих большое культурное, политическое и экономическое влияние на остальные страны мира, наряду с различными теоретическими исследованиями (анализом, оценкой и систематизацией эмпирических материалов), большое внимание уделяется внедрению в общественную практику научных достижений, направленных на решение технических, культурных и социальных проблем. Огромный массив информации, содержащейся в мировой научной литературе, продолжает непрерывно пополняться новыми сведениями, расширяющими наши познания в разных областях человеческой деятельности.

Для того чтобы войти в категорию промышленно и культурно развитых стран с успешной экономикой и высоким уровнем жизни, нам следует уделять серьезное внимание не только вопросу экономической реформы, но и проблемам обеспечения результативности научно-исследовательской деятельности и повышения качества образования. Решение этих проблем непосредственно связано с вопросами адекватного перевода на казахский язык произведений мировой литературы, посвященных проблемам, актуальным в научной, экономической, социально-политической и культурной сферах жизни социума – в целях оптимального усвоения современных знаний подрастающим поколением.

Учитывая то, что богатство языка, прежде всего, заключается в его лексическом фонде, содержащем названия различных предметов, явлений, понятий, действий, процессов, их свойств и признаков, необходимо увеличивать словарный состав казахского языка, всемерно развивать терминологическую лексику, способную адекватно отражать все многообразие научных понятий.

Интенсификация межкультурных и межгосударственных контактов привела к тому, что лексика многих языков стал активно пополняться словами, часто представляющими собой заимствования из английского языка. Однако в плане совершенствования языка следует использовать и внутренние лингвистические резервы, обращаясь к лексическим единицам, относящимся к разряду архаизмов, историзмов и диалектизмов. Так,

например, историзм *beren*, букв. ‘крепкий’, использовавшийся в казахском языке для обозначения кольчуги, ружья или кинжала из высококачественной стали, в составе словосочетаний *beren kewdeşe*, *beren jiylet* и в виде лексемы *beren* стал употребляться в значении ‘бронешилет’.

Данная статья посвящена изучению ряда вокабул “Казакско-русского словаря”, опубликованного в 1925 году, в плане их семантики и принадлежности к разным лексическим разрядам (диалектизмам, историзмам, этнографизмам); в работе использованы методы семантического анализа, сопоставления фонетических вариантов некоторых слов; ряд лексем рассмотрен в этимологическом аспекте; выявлены и подвергнуты анализу допущенные в словаре ошибки.

Исследуемое лексикографическое издание представляет интерес не только в аспекте лексикологии, но с исторической точки зрения на эволюцию казахской графики и принципы орфографии, которые были разработаны общественным деятелем и лингвистом Ахметом Байтурсыновым, автором реформированного арабского алфавита – *töte jazıw*.

Ключевые слова: архаизмы, вокабула, графема, диалектизмы, казахская графика, лексико-семантический анализ, орфография, этимология, этнографизмы

Введение

“Казакско-русский словарь” (*Qazaqşa-orıssa tilmaş*) 1925 года издания представляет собой коллективный лексикографический труд, в котором вокабулы словника, т.е. входящие в алфавитный реестр казахские слова, к которым дан перевод или толкование на русском языке, переданы с помощью знаков реформированной А. Байтурсыновым арабской графики и интересны с точки зрения реализации фонематического принципа орфографии.

Актуальность исследования заключается в том, что оно связано с имеющей научную и практическую значимость проблемой совершенствования лексики литературного казахского языка, решение которой может осуществляться не только путем заимствования слов из других языков, но и с помощью внутренних ресурсов, например, посредством введения в общее употребление диалектных слов и архаизмов.

Значимость анализируемого письменного труда определяется тем, что авторы зафиксировали в общем перечне слов малоизвестные лексические единицы, относящиеся к разрядам диалектизмов и этнографизмов, изучение которых, с одной стороны, позволит внести новую информацию в историю развития казахской лексики, с другой – в целях обогащения языка – вернуть в словарный фонд некоторые слова, вышедшие из употребления.

Целью данной статьи является анализ ряда включенных в “Казакско-русский словарь” номинативных единиц в аспектах семантики, орфографии и этимологии, что представляется актуальным в период возвращения казахской письменности к латинизированной графике, опирающейся на

принцип “одна фонема – одна графема”, который должен лежать в основе разработки современных норм правописания.

Язык формирует в нашем сознании национальную картину мира, служит основой для науки, литературы и искусства, которые, отображая исторический опыт народа, помогают сохранять память о далеком и близком прошлом, способствуя возникновению и укреплению у человека этнической и культурной идентификации, превращению его в сознательного индивидуума – деятельного участника общественного прогресса. Бесспорно, что только посредством языка возможно получение образования – совокупности знаний, умений и навыков, необходимых для успешной профессиональной деятельности.

Известно, что в период пребывания Казахстана в составе Советского Союза приоритет во многих сферах жизни республики принадлежал русскому языку. Области применения казахского языка и число лиц, владеющих им, неуклонно сокращались; в период репрессий по разным обвинениям была уничтожена большая часть интеллектуальной элиты коренного этноса.

Обретение Казахстаном суверенитета позволило избавиться от идеологического диктата КПСС в политике, экономике, науке и искусстве, создало оптимальные возможности для объективного изучения истории своего народа, возрождения этнического языка и развития национальной культуры.

Возврат к алфавитной системе на основе латинской графики следует признать одним из прогрессивных изменений в лингвистической сфере, которое, в свою очередь, должно стимулировать разработку обоснованных правил орфографии и активизировать исследовательскую деятельность в области казахской лексикологии и лексикографии, призванную способствовать развитию релевантной современным научным знаниям терминологической системы, благодаря чему появится возможность создания более совершенных и полных лингвистических и энциклопедических словарей разных типов, адекватного перевода на казахский язык мировой научной и технической литературы.

Описание материалов и методов

Фонд научной библиотеки Областного историко-краеведческого музея города Семей хранит немало ценных и интересных в научном плане изданий XIX–XX веков. Так, например, к категории редких книг, хранящихся здесь, относится “Казакско-русский словарь” (Qazaqşa-orıssa tilmaş, 224 с.), изданный в Москве в 1925 году малым тиражом – в количестве 10 тыс. экземпляров – для военнослужащих, слушателей Туркестанских курсов Востоковедения Р.К.К.А. [1]. Книга набрана и отпечатана в 1-й типографии Центрального Издательства народов СССР. Москва, Никольская, 10. Главлит № 38958 (на обложке книги самая нижняя строка содержит иную дату: МОСКВА – 1926).

На титульном листе можно увидеть выполненный фиолетовыми чернилами автограф прежнего владельца книги в виде его подписи, даты (19/VI 25 года), ниже которой им же написан ойконим – г. Семипалатинск. Сверху страницы черными чернилами в три строчки зафиксирована следующая информация: 18–VII–1931г. в дар от Мамырова. Правее – подпись оформителя этого дара – Д Портнягин Кат. Инв. № 3263. Имеется оттиск прямоугольного штампа с надписью в три строчки в нижней левой части страницы: Научная Библиотека Семипалатинск. Музея. Инв. 30495 Отд. 4 (03). Правее от штампа рукой Д. Портнягина написаны дополнительные сведения о печатном издании: Т1+224–ф.21½ × 14½ см. ц. 1 р. 85 к.

Составители словаря (Кеменгеров, Буралкиев, Байтасов, Байгаскин, Баймаканов, Даулетбеков, Темирбеков и Сарсенбаев) в небольшом Предисловии выражают надежду, что их труд “может послужить пособием не только для слушателей Военных школ, но и для европейцев, служащих в Казреспублике, а также лиц, изучающих непосредственно казахский быт”.

Следует отметить, что если в записи кириллицей фамилии авторов (на самом деле – отчества, их имена и инициалы не указаны) оформлены русскими окончаниями -ов, -ев, -ин, то в передаче на основе арабской графики они сохраняют исконно казахскую антропонимическую традицию (исключение – фамилия Вауғасқин), т.е. имя отца лица мужского пола

сочетается изафетной связью со словом ulı ‘его сын’ (во мн. ч. – uldarı ‘их сыновья’): تیزگەندەر :

بورالقای ، بایتاس ، باعاسقېن ، بايماقان ، داۆلەتبەك ، تەمبەربەك ، عجانا سارسەنبايي ۇلدارى ، كەمەنگەر ،

باسقار بۇشى : كەمەنگەر ۇلى

Приведем транслитерацию вышеприведенного арабографического списка составителей указанного словаря латинскими символами:

Tizgender: Kemenger, Buralqay, Baytas, Bayğasqın, Baymaqan, Däwletbek, Temirbek jänä Särsenbay uldarı.

Basqarıwşı: Kemenger ulı (руководитель, был преподавателем казахского языка на Туркестанских курсах Востоковедения РККА в 1924–1925 гг.).

Вместо باعاسقېن Bayğasqın, видимо, следовало написать بايقاسقا Bayqasqa (орфографическая норма) или بايعاسقا Bayğasqa (орфоэпическая норма).

Краткоостановимся на личности замечательного деятеля, возглавившего составление коллективного лексикографического труда, – Хош-Мухаммеда Кеменгер-улы (1896–1937), уроженца аула Каражас Бекейской волости Акмолинской области. Qoşke (такова краткая, уважительная форма его имени) был видным общественным деятелем периода национально-освободительного движения “Алаш”, народным просветителем, медиком, филологом, писателем, драматургом и журналистом.

13-го октября 1930 года Х. Кеменгеров по ложному обвинению как “противник советской власти” заключен в следственный изолятор. Спустя некоторое время из Ташкента был переведен в алматинскую тюрьму, где находился в заключении около двух лет – до конца апреля 1932 г. Решением “тройки” НКВД, обвиненный по ст. 58 Уголовного кодекса с формулировкой “предатель родины”, был лишен свободы еще на 5 лет и отправлен в ссылку в город Валуйки, Украина. После отбытия наказания ему запретили возвращаться на родину, разрешив проживание в поселке Шарбакколь Омской области, где он работал инструктором в районном отделе здравоохранения, оказывал людям врачебную помощь. Однако 7-го августа 1937 года сотрудники НКВД провели обыск в его доме, конфисковали все рукописи; он был вновь арестован и отправлен в Омск.

Будучи обвиненным (в числе 82 человек) в поддержании связи с попавшим в опалу известным историком и общественно-политическим деятелем Тураром Рыскуловым, предпринимавшим попытки консолидировать тюркские народы Средней Азии и Казахстана в пределах единой республики Туркестан, Хош-Мухаммед Кеменгеров вместе с другими участниками казахского общественно-политического национально-освободительного движения “Алаш-Орда” (61 человек) был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян [2].

Авторы анализируемого лексикографического труда в Предисловии привели перечень некоторых из наиболее продуктивных суффиксов, с

указанием фонетических вариантов и определением их значений на русском языке. Завершается этот небольшой раздел перечнем букв алфавита *töte jazıw*, представлявшего собой частично реформированную арабскую графику, приведенную в соответствие с звуковой системой казахского языка (при этом укажем на плохо отпечатанный алфавитный знак گ /g/, отсутствие буквы ұ /u, ü/), и кратким списком сокращений грамматических терминов.

Ахмет Байтурсынов (байтұрсынұф аһмәд), казахский политический деятель, с 1910 года начал адаптировать к казахской фонетике использовавшийся тюрками-мусульманами вариант арабского алфавита путем изъятия нескольких букв, обозначающих специфические звуки арабского языка, и добавления знаков для передачи определенных фонем. Таким образом, возникла новая версия графической системы, состоящей из 24 букв (знак چ /ç/ ученый использовал в качестве символа для фонемы /ʃ/, хотя для ее обозначения имела буква ش /ʃ/; сохранил редко применявшуюся графему ف /f/).

А. Байтурсынов учитывал характерный для большинства тюркских языков сингармонизм – морфолого-фонетический феномен, проявляющийся в уподоблении гласных и согласных в пределах одного слова по нескольким фонетическим признакам (ряду и огубленности гласных, глухости и звонкости согласных).

Сингармонизм проявляется в речи следующим образом: фоника, т.е. звучание всего тюркского слова, чаще всего определяется корневой морфемой. Поэтому ученый-тюрколог ввел следующее правило: если в корне находится гласный переднего ряда, способствующий палатализации соседних согласных и влияющий на качество гласных в последующих аффиксах, перед словом ставится специальный знак هَمْزَةٌ – ء [hamza], образованный от буквы ع ‘аун. Присутствие в слове буквы ۋ (ۋ) /e/ или графем, обозначающих палатальные (мягкие) согласные ك /k/ и گ /g/, устраняет необходимость использования хамзы.

Указанные способы обозначения в той или иной лексеме такого явления, как сингармонизм, позволяют безошибочно воспринимать букву ۋ как обозначение звука /ɪ/ или /i/, например: می-موز [miu] ‘мозг; трясина’, زەننەم [minez] ‘характер’.

Графема ب /b/ нередко используется вместо буквы پ /p/ в середине слова, рядом со знаками – репрезентациями глухих согласных اقبان [aqban] ‘январь’, بۆكبەك [bökbek] ‘объесться’, تابىسباق [tabisbaq] ‘примириться’, وقباق [oqbaq] ‘выпь’, قايتباق [qaytbaq] ‘вернуться’, سەككىل [sekki] ‘веснушка’, или в конце слов – в этой позиции звонкие подвергаются оглушению [oqab] ‘ухаб’, بىيتاراب [biytarab] ‘нейтральный’, كىتاب [kitab] ‘книга’, نەسەب [neseb] ‘моча’, а также в слове وببا [obba] ‘сугроб; топкий’ (фонетический вариант: ombi) – литературн. орр ‘сугроб, глубокий снег’ < وبباق [obbaq] ‘втягивать, всосать’ – литературн. ор- ‘пожирать, съедать все (с жадностью)’.

Судя по названию учебного пособия “Казахский алфавит”, изданного

в 1914 году – قازاقچا الفبا – اوقۇ قۇرالى ۴۱۹۱ [Oqu quralı / Qazaqça alifba / 1914], фонема /o/ в начале слова اوقۇ [oqu] была передана в соответствии со старыми правилами орфографии – с помощью диграфа او [au]; присутствие ¹ алифа указывало на то, что букву و waw, обозначающую согласный звук /w/, следует читать как вышеуказанную гласную /o/. При этом финаль в виде сочетания гласных -iw (в слове oqiw) была ошибочно отражена на письме одной буквой و /u ~ ü/. Вариант, верно отражающий фонетический состав лексемы, представлен в словаре под редакцией Х. Кеменгерова – وقېۋ [oqiw] ‘ученье’ [1, с. 202], ср. написание отглагольных существительных (масдаров) بەكىتىۋ [bekitiw] ‘утверждение’ [1, с. 44], تاپىۋ [tabiw] ‘приобретение’ [1, с. 49].

Сопоставление с характером написания слов в дополненном “Русско-узбекском словаре” (1927/28 гг.), изданном в двух частях [3], показывает явное преимущество реформированного А. Байтурсиновым арабского алфавита и разработанных им орфографических правил, позволявших адекватно передавать фонемный состав слов, перед узбекским вариантом арабографической письменности и нормами правописания в нем.

Неоправданные сложности наблюдаются в передаче гласных звуков с помощью диграфов в анлауте узбекских слов, например: ايمان [iyman] ‘вера’, اير [er] ‘муж’, ايرك [erk] ‘воля’, اوعرى [ūğrı] ‘вор’, اورن [ūrın] ‘место’, اورتا [ūrta] ‘середина’, اوى [üy] ‘дом’, ئاي [ay] ‘луна’, ئالماس [almas] ‘алмаз’, ئامريكا [Amiriya] ‘Америка’, ئامين [amiyn] ‘аминь’, ئىنجير [änjiyr] ‘инжир’, ئىنگليز [änqliyz] ‘англичанин, английский’, ئوز [öz] ‘сам’, ئوردەك [ördäk] ‘утка’, ئوت [öt] ‘огонь’.

Следует отметить вариативность написания слова: ئون ~ اون [ün] ‘десять’. К вокабуле *октябрь*, помимо адаптированной формы ئوكتەبر [öktäbir] ‘октябрь’, приведены следующие определение и синоним: ئونبىرىنچى [sänäiy mīladiyyä’niñ ün birinçi ayı] ‘11-ый месяц европейского летоисчисления (календаря)’, تەشرىن ئاۋۋەل [täştīn awwäl] ‘первый месяц тешрин’. Переводы к вокабулам *десять* и *десятый* даны соответственно в виде лексем اون [ün] и اونبىرىنچى [ünbirinçi], но в словарной статье, объясняющей значение менонима *октябрь*, как мы видим, это числительное имеет иную графическую форму – ئون [ün].

Краткие гласные /i/ и /i/ обычно не отражались на письме: ئايىق [ayıq] ‘медведь’, دىڭىز [deñiz] ‘море’, اورش [ürış > ūruş] ‘война’, اونبىرىنچى [ünbirinçi] ‘десятый’, باشلىق [başlıq] ‘глава, начальник’, بلەن [bilän] ‘с, со’, بولش [böliš] ‘раздел’, پىياز [piyaz] ‘лук’, قالن ئورمان [qalın orman] ‘частик, частый лес’, قىزىل [qızıl] ‘красный’, قزاق [qızatıq] ‘корь’. Спорадически краткая фонема /i/ могла передаваться с помощью знака رەئىس – ئ [räiys] ‘глава’; сочетание пары гласных /i ~ i/, разделенных йотом, записывалось путем удвоения буквы ي yā, обозначающей звук /y/, например: ئىيىن [tiyin] ‘копейка’, قىيىن [qiym] ‘трудный’, سەنەئى مىلادىيە [sänäiy mīladiyyä] ‘европейский календарь, христианское летоисчисление’.

Видимо, по примеру казахской орфографии – в год издания второй

части узбекско-русского словаря – в узбекский алфавит был введен знак ð для передачи краткой гласной. Сравнив сопроводительные надписи к двум частям упомянутого словаря, изданным соответственно в 1927 и 1928 годах, можно увидеть орфографические изменения: بولم > بوليم [bölüm] ‘раздел, часть’, ايكنچى > ئىككىنچى [iükinci] ‘второй’, تيين > تيين [tiyin] ‘копейка’, ئوزبېكىستان [Özbekistan] >

ئوزبېكىستان [Özbekistan] ‘Узбекистан’, نەشرىيەت [näşriyät] ‘издательство’ (гласный /e/ в названии республики передан с помощью буквы ي uā).

Характер функционального анализа вокабул “Казакско-русского словаря” обусловил выбор следующих методов: лексикографического анализа (изучение смысловой структуры слов, разделенных на лексико-семантические варианты); семантического анализа лексических единиц; сопоставления фонетических (диалектных и литературных) вариантов некоторых слов; рассмотрение отдельных лексем в этимологическом аспекте.

Результаты и обсуждение

Страницы вокабулярия قازاقشا - رېسشاشو ۋېلماش разделены на две колонки, в каждой из них справа записаны буквами арабографической системы казахские слова, слева размещен их перевод на русский язык или дано толкование, в необходимых случаях внесены уточнения, заключенные в скобках.

Ошибочное написание некоторых казахских слов чаще всего связано с пропуском буквы, в т.ч. ð /i, ɪ/, например: بەرسبەك [ber(i)sbek] ‘поддаваться’; в образованном от существительного بايب [bayib] ‘смысл, соображение’ (от арабск. فهم [fahm] ‘понимание; проницательность; ум; умение’, см. однокоренное прилагательное – فھيم [fahiym] ‘сообразительный; проницательный’) глаголе bayipta-, представленном в виде инфинитива بايپتاماق [bayitamaq], пропущена графема ð /b/ [1, с. 35]; ниже следует существительное بايپداما [bayımdama] ‘рассуждение’, представляющее собой дериват от глагола bayımda- (вариант: bayipta-), основа которого фонетически более близка к книжной форме арабизма – fāhim, см. его вариации: fahim ~ fāhiym ~ rahıym ~ pähiym ~ rauım ~ bayım ~ bayır ~ beyım ~ fähäm ~ faham ~ päım [4, с. 75–76].

От глагола اۋېسباق [awıspaq] ‘сменяться; склоняться’ было образовано существительное اۋسى [awsı] ‘смена’ [1, с.27]. Несомненно, что здесь допущено ошибочное написание слова, правильно: اۋېسىم [awısim] ‘смена’; ср. неверную передачу слова alğıs ‘благодарность, признательность; благословение’ [1, с. 23] в виде العسى [alğsı].

Из-за фонетического сходства основ дан неправильный перевод ‘ягоды’ к слову ۋېلدېرشېن [bülđırşın], букв. ‘перепелка’ [1, с. 42], ниже которого следует вокабула بۇلدېرگەن [bülđirgen] ‘костяника’ (в словарях ‘земляника’). Ошибка допущена в переводе вокабулы بەتەگە [betege], букв.

‘ковыль’, на русский язык словом *конец* [1, с. 43], что повлекло за собой другую оплошность: образованное от этого слова прилагательное *بەتەگەلى* [betegeli] ‘ковыльное’ переведено как ‘конечное’.

Написание к слову *جاقتاس* [jaqtas] ‘сторонник, приверженец’ неверного перевода ‘странник’ [1, с. ٧٣], произошло под влиянием русского языка; ошибка объясняется формальной близостью однокоренных, но разных по значению слов: *странник* – заимствование из старославянского языка, его древнерусский полногласный аналог – *сторонник*.

Иногда перевод не вполне соответствует истинной семантике слов, например: *بەركەلى* [berekeli] ١) *солидарный*; ٢) *экономный*; на самом деле ‘благодатный; изобильный, урожайный’ (berekeli önim ‘богатый урожай’; хотя в словосочетании berekeli qawım ‘дружное, сплоченное общество’ можно усмотреть коннотацию ‘солидарный’, но berekeli üy – это ‘зажиточный дом, семья с достатком’; следовательно, непосредственно с идеями солидарности и экономии слово berekeli не связано).

По мнению составителей словаря, значение образованной от лексемы *nemere* ‘внук’ вокабулы *نەمەرەلس* [nemereles] – ‘правнук’ [1, с. 196], что следует признать неверным; в современном Казахско-русском словаре вокабула *nemereles* имеет семантику ‘состоящий в родстве в третьем поколении, троюродный (по отцовской линии)’ [5, с. 626]; в действительности понятие ‘правнук’ обозначается в казахском языке словом *şöbere*.

Наборщик в типографии, вероятно, воспринял рукописную букву *ی* (پ) как графему *ر*, что привело к некорректному написанию слова *بەينە* [beune] ‘образ, внешний вид’ в форме *بەرنە* [berne], а также его дериватов – глагола *بەرنەلەمەك* [bernelemek] ‘придать образ’ и словосочетания *بەرنە سۆز* [berne söz] ‘образная поэзия’; отметим, что перед словом *سۆز* [söz] знак хамза превратился в диакритик, расположенный над знаком *د* (с. 43); но на с. 45 встречается верная передача рассматриваемой лексемы *بەينە* [beune] со значением ‘символ’.

Следует отметить, что в анализируемом лексикографическом труде встречается этимологически правильная (фонематическая) передача ряда слов, написание которых в современном литературном языке следует орфоэпическим нормам, например, *سۇلۇ* [sulıw] – кириллическ. *сұлу* [sulıw].

Данный словарь заслуживает внимания лингвистов тем, что в нем глаголы в форме инфинитива оформлены аффиксом *-ماق* [-maq], варианты: *-مەك* [-mek] / *-باق* [-baq] / *-راق* [-raq] / *-بەك* [-bek] / *-рек* [-pek]: *اپارماق* [aparmaq] ‘отнести, отвезти, сводить куда-либо’; а имена действия (масдары) – аффиксом *-بۇ* [-ıw ~ -iw]: *اشیۋۇ* [aşııw] ‘гнев’, но в данном примере буква *ۇ* /u/ – лишняя (правильно: [aşııw]).

Для лексикологов представляют интерес диалектизмы, фонетические вариации слов, мифологизмы, архаизмы и этнографизмы. На странице 51 находим арабизм *تاقات* [taqat] ‘терпение’, который в современных словарях приводится в варианте *tağat* ‘терпение, выдержка’, реже используется в

редуцированной форме *dät* ‘терпение’. К слову *سۇمبىراي* [sumıray] приведены следующие значения: 1) *мифическое животное с человеческой головой, вызывающее своим появлением засуху*; 2) *оборванец, растрепа* [1, с. 127].

Однако в других словарях казахского языка и этнографической литературе миксантропический образ с таким названием уже не встречается. Обратившись к толкованию слова *сұмырай* в Казахско-русском словаре [5, с. 738], мы не найдем упоминания о вредоносном существе, здесь оно представлено в качестве определения, используемого для отрицательной характеристики человека ‘мерзкий; презренный, гнусный’. И в приведенной в этой же словарной статье поговорке *Сұмырай келсе, су құриды* [Sumıray kelse, suw qurıydı] ‘При появлении презренного человека и вода исчезает (иссыкает, высыхает)’ мифологическое существо уже не подразумевается.

На странице 209 встречается лексема *ۇلىۋ* [ulıw], переведенная на русский язык словом ‘дракон’; ср. однокоренные слова (исторически – фонетические варианты): *uluğ ~ ulıq ~ ulı* ‘великий, большой’. Первоначально так называли большую водную рептилию [**uluğ añ ~ *ulıw añ*] – крокодила, обитателя южных стран. Несмотря на то, что лексема *ұлу* [ulıw] в современном казахском литературном языке используется в значении ‘улитка’, прежняя семантика сохраняется в словосочетании *Ұлу жылы* [Ulıw jılı], обозначающем “год дракона” в 12-летнем анимальном цикле.

Весьма интересна семантика приведенной в словаре вокабулы *ايداقار* [aydaqar] – ‘крокодил’ [1, с. 29], соответствующая значению слова *aydaħar*, использованного переводчиком средневекового нарративного сочинения “Бабур-наме” на казахский язык [6, с. 324]. Составители современных казахско-русских и русско-казахских словарей относят слово *aydaħar* (*ajdaħa, ajdaħar*) к разряду мифонимов – ‘дракон; змея огромного размера (с несколькими головами); чудовище, страшилище’ [5, с. 27; 7, с. 101].

Обратившись к генезису мифологического образа дракона и сюжетам, связанным с этим рептилоидным существом, можно обнаружить его связь с реальным речным хищником – крокодилом, выступавшим в роли тотема у многих народов Старого света, обитавших в тропиках. Рассказы о них порождали в воображении людей, населявших другие географические зоны, фантастические фигуры чудовищных размеров.

Драконам приписывались такие положительные свойства, как мудрость и власть над водной стихией, они почитались хозяевами водоемов, водотоков и небесной влаги – дождя, им – тотемам-первопредкам и божествам – приносили в жертву юных красавиц, но все это было свойственно лишь определенным этническим культурам. Негативным отношением к образу дракона характеризуется фольклор многих народов Евразии, где присутствуют крылатые (летающие в дождевых облаках), огнедышащие монстры (это представление возникло в результате наблюдения молний во время грозы), требующие на съедение девушек и скот в обмен на доступ к водным источникам. Поэтому в мифологических и

сказочных сюжетах народов, обитавших севернее тропиков, стал популярным персонаж, поражающий могучего и опасного дракона, многоголового змея, морское чудовище мечом или копьем (нередко спасавший тем девушку, по жребии обреченную на гибель). Христианская культура не могла не усвоить этот архетипический образ, связанный с идеей победы добра над злом: дракона-сатану повергают в прах архангел Михаил и святой Георгий.

Составители словаря ко многим глаголам приводят формы понудительного залога в виде отдельных вокабул, с одним и с удвоенным аффиксом (например, قالب [qalib] ‘колодка; форма; положение’ > قالبتاماق [qalibtamaq] ‘отливать в форму; натягивать на колодку’ > قالبتاتبا [qalibtatbaq] > قالبتاتتيرماق [qalibtattirmaq]).

Следует обратить внимание на то, что омонимы не даются отдельными реестровыми, т.е. заглавными словами, а входят в единую словарную статью, т.е. передаются одной лексемой, поэтому создается представление о мнимой полисемии, например, ارقى [arīq] 1) *тощий*, 2) *канал*. К заглавному слову وت [ot] приведены следующие значения: 1) *огонь*, 2) *трава*, 3) *хорошее пастбище* [1, с. 197], хотя лексемы от ‘огонь’ и от ‘трава’ относительно друг друга состоят в омонимических отношениях. Другие примеры:

- اسا [asa] 1) *посох* – от арабск. عَصَا [‘aṣā]; ۲) *слишком, выше* – деепричастие от глагола as- ‘перевалить, переходит; выходить за пределы; превышать’ [1, с. 16];

- اسبق [asiq] 1) *бабка, альчик*; 2) *возлюбленный* – литературн. ğaşıq [1, с. 17] < арабск. عاشق [ġaşıq] ‘влюбившийся, страстно любящий; влюбленный’;

- الاثك [alañ] 1) *цена*; 2) *прогалина*; 3) *беспокойный* [1, с. 21];

- الدا [alda] 1) *Бог* (от арабск. الله [Allah]); 2) *впереди* – наречие, образованное от основы al-, оформленной аффиксом местно-временного падежа -da / -de / -ta / -te [1, с. 22];

- الهم [älem] 1) *вселенная, мир* – арабск. عالم [‘älām] ‘вселенная, мир, свет’; 2) *военное знамя* [1, с. 23] – арабск. علم [‘alam] ‘знамя, флаг, штандарт, стяг; знак, символ’;

- اندا [anda] 1) *там* – наречие от основы an-, оформленной аффиксом -da; 2) *кровный друг* [1, с. 24];

- باعانا [bağana] 1) *столб*; 2) *давеча, недавно* [1, с. 33];

- باقبر [baqır] 1) *медь* (ср. азербайджанск. bağır ‘печень; грудь, сердце’, татарск. baqır ‘медь; медный; медная монета; рыжий’, bāğır ‘сердце’, bawır ‘печень; сердцевина, середина’, русск. *багровый, багряный* ‘цвета красной меди, печени’), ср. узбекск. جگر رنگ [jigär räng], букв. ‘цвета печени’, ~ قىقرل [qıb-qızıl] ‘багровый’; 2) *бедняга* – от арабск. فقير [faqīr] [1, с. 33];

- باقشا [baqşa] 1) *сад* (аффиксальное образование – деминутив от баq ~ baw ‘сад’); 2) *связка* [1, с. 33], см. этимологию этого омонима ниже;

- بىك [bek] 1) *феодал*; 2) *очень* [1, с. 44];

- تاب [tab] ۱) *класс*; ۲) *пятно* [1, с. ۴۸];

- تابا [taba] 1) злорадство; 2) сковорода [1, с. 48];

- تاندير [tandir] 1) корень; 2) печь [1, с. 54] – допущена ошибка, ниже остановимся на этом слове;

- قان [qan] 1) хан; 2) кровь [1, с. 149];

- قونداق [qundaq] ١) хмель; ٢) пеленка [١, с. ١٦٨], однако хмель по-казахски – qulmaq, следовательно, наборщик шрифта допустил ошибку: он, спутав два разных слова со значениями ‘хмель’ и ‘пеленка’, поместил в середину слова с семантикой ‘хмель’ – вместо литер $\dot{\text{d}}/l/$ и $\text{m}/$ – бруски с рельефным изображением знаков $\dot{\text{d}}/n/$ и $\dot{\text{d}}/d/$, затем, разделив запятой, привел значения слов qulmaq и qundaq, создав мнимые омонимы;

- قورت [qurt] 1) черви; 2) сыр [1, с. 166];

- وي [ou] 1) мысль; 2) низменность [1, с. 204].

Встречаются старые формы написания слов, в которых вместо буквы h использовался знак, передающий фонему /q/: تاريق [tariq] – современ. tariyh ‘история [1, с. 50], قاليق [qaliq] – современ. haliq ‘народ; население’ [1, с. 148], قان [qan] – современ. han ‘хан, правитель’ [1, с. 149].

Составители включили в словник архаизмы – лексические единицы, словосочетания, в ряде случаев с устаревшими семемами:

- اباليق [apaliq] ‘права старшей сестры’ [1, с. 7] – аффиксальное образование от лексемы ايا ара ‘мать; старшая сестра (по отношению к младшим)’, ср. похожие образования: ataliq ‘отеческий; отцовство’, analiq ‘материнский; материнство’;

- ايزهل تورمان [äbzel-turman] ‘принадлежности седла’ [1, с. 7];

- اپهندی [äpendi] ‘образованный господин’ [1, с. 8] < турецк. أفندی ~ efendi ‘господин’ – вежливое обращение к мужчине в Турции (от новогреческ. αφέντης ‘правитель, начальник’), в современном литературном языке семантика этого слова существенно изменилась из-за ассоциации с образом Насреддина-эфенди (ходжи Насреддина), героем многих народных анекдотов, – оно стало использоваться в значении ‘чудаковатый; странный; простоватый’;

- ارامي [arami] ‘человек с задними мыслями’ [1, с. 12] – аффиксальное производное от слова-арабизма ارام [aram] ‘запрещенный, возбраняемый, поганый’, ср. персидск. حرامی [hāramī] ‘запрещенность, недозволенность; мошенник, жулик, плут; разбойник; мошенничество, жульничество, плутовство; разбой’ < арабск. حرامی [harāmīy] ‘вор; разбойник’;

- ازازيل [äzäzil] ‘демон’ [1, с. 15] – в начале слова отсутствует знак ء, указывающий на палатализацию; правильное чтение устанавливается по производному глаголу ازازيلدەنبەك [äzäzildenbek] ‘выказываться демоном’, оригинал – عزازيل [‘azäzīlu] ‘Сатана, Азазель’ (ср. Азазелло в популярном романе М. Булгакова “Мастер и Маргарита”);

- ازهل [äzel] ‘судьба’ [1, с. 15] – перевод неверный, лексема восходит к арабск. ازل [azal] ‘вечность’ (من الازل ‘извечно’); данный арабизм в фонетических вариантах äzel ~ uejel используется в значении ‘далекое

прошлое’: *äzel’de ~ yejel’de* ‘в начале, в давние времена; давно’, *äzel’den ~ yejel’den* ‘исстари, издавна, испокон веков; с давних времен, с незапамятных времен’;

- اسپانی قلیش [aspani qılış] ‘сабля асфганская’ [1, с.16] < asfahaniy qılış ‘исфганская сабля’ (из дамаской стали с клеймом знаменитого мастера Асадуллы Исфгани, жителя г. Исфган);

- اسهت [äset] ‘июль’ [1, с. 17] – от арабск. اسد [‘asad ‘лев’; см. космоним برج الاسد [burdj al-‘asad] ‘созвездие Льва’, пятый месяц солнечного года, соотв. июлю–августу;

- اسپرما توب [asirma top] ‘лапта’ (игра), букв. ‘переправляемый (на противоположную сторону поля) мяч’, ср. литературн. дор ‘мяч’ [1, с. 17];

- اقای [aqaу] ‘пожилой’ [1, с. 18] – вероятно, глухая пара к лексеме aġay ‘дяденька’ (почтительное обращение к старшему по возрасту мужчине), ср. крымско-татарск. aqaу ~ aġay – обозначение старшего по возрасту человека и уважительное обращение к нему;

- اقبارسى [aqbarsı] ‘болезнь лошади и телят’ [1, с. 18];

- الباردى [albardı] – к этому слову дано не вполне ясное толкование ‘привет народной песни’ [1, с. 22];

- الببت [albit] – вокабула переведена словом *укрощение* [1, с. 22], что представляется неверным ввиду того, что albit ‘сумасбродный’ [5, с. 48] – вариант идущего следом за ним прилагательного الببرث [albirṯ] ‘безрассудный, сумасбродный; задорный, пылкий; напористый’ [5, с. 48];

- القام [alqam] ‘первое стихотворение Корана’ [1, с. 23], т.е. сура al-Fatiya – слово представляет собой дериват глагола alqa- ‘благословлять на какие-либо дела’ (от названия упомянутой суры فاتحه [fātiha] образовано казахское слово bata ‘молитвенное благословение; доброе пожелание, напутствие’, варианты: ratiyha, pätiyä);

- البؤا [alıwa] ‘слива’, البؤابان [alıwa-ban] ‘вишня’ [1, с. 24], по всей вероятности, здесь ошибочное написание словосочетания *alıw-balı от иранск. الو alū ‘слива’, الوالبو alū-balū ‘вишня’ > казахск. диалектн. albanıw ‘мелкая вишня’ [8, с. 52]); в современном языке существует омоним alıwa ~ алуа ‘халва’ (от арабск. حلوى [ħalwa]); слива называется alqorı (или qara örik) – от узбекск. olhöri, ст.-узбекск. غايئالو [ġaynalū] ‘слива’), вишня – şıye (узбекск. olçä, ст.-узбекск. ئالوچه alūçä ‘вишня’ < персидск. ألوجه [alūçe] ‘алыча’, узбекск. toġ-olçä ‘алыча’, букв. ‘горная алыча’; компонент الو alū входит в состав названий таких фруктов, как şäftolı (казахск. şabdalı) ‘персик’ < персидск. شفتالو [şäftalū] ‘персик’ > شفت [şäft] ‘костянка, плод с косточкой’ и zärdolı ~ örik ‘абрикос, урюк’ < персидск. زردآلو [zärdalū] ‘абрикос’ < زرد [zärd] ‘желтый’, ср. ألوزرد [alūzärd] ‘желтая слива’, ألوسياه [alūsiyah] ‘чернослив’ < سیاہ [siyah] ‘черный’), возможно, olhöri – редуцированная форма персидск. ألبوخارا [alū bohara] ‘вид сливы’, букв. ‘бухарская слива’;

- اۆلبىق [awlıq] ‘криво сложенный’ [1, с. 26] – в других словарях это слово не найдено;

- اۆبراق [awıraq] ‘тяжесть’ [1, с. 27] – по всей видимости, ошибочная запись слова اۆبړلىق [awırlıq] с тем же значением, об этом свидетельствует его расположение после слова awırlamaq ‘становиться тяжелым’;

- باقال [baqal] ‘низкий’ (совр. литературн. baqal ‘короткий толстый палец’, бар-baqal ‘очень низкий, низкорослый, коротенький’ – о человеке, baqaltaq ‘низенький, приземистый’ – о человеке) [1, с. 33];

- باقتى [baqtı] ‘счастливый’ (от существительного باق [baq] ‘счастье’ < более полная форма baqıt < арабск. بخت [bäht] ‘счастье; удача’, современный вариант упомянутого прилагательного – baqıttı) [1, с. 33];

- باقشا [baqşa] ‘связка’ от тюркск. bağ (казахский вариант baw ‘веревка; завязка; бечевка, шнур, тесемка’, baula- ‘связывать’, азербайджанск. bağ ‘шнур; повязка’, ср. татарск. bağla- ‘связать’, bäu ‘привязь, завязка’, bāylä- ‘вязать’) + аффикс деминутива -şa ~ -şe [1, с. 33];

- بوقجاما [boğjama] ‘сумка, в которой хранится драгоценность’ [1, с. 37];

- بوسكوت [bösköt] ‘изгородь’ [1, с. 37] – в других словарях это слово не найдено;

- بىرىك [birik] ‘коллектив’ [1, с. 46] < bir ‘один’ + -ik; ср. bılıq ~ диалектн. bırıq ‘неразбериха, путаница, хаос, беспорядок; волокита’ – слово, оформленное аффиксом -ik / -ıq;

- بىقىر [bıqır] ‘кишмя’ и образованный от него глагол بىقىرلاماق [bıqırlamaq] ‘кишеть’ [1, с. 46], ср. исходный глагол bıqı- ‘кишмя кишеть, быть в несметном количестве’ и восходящий к фономимеме сложный глагол bıq uet- ‘произвести звук глухого шлепка’ [5, с. 179];

- بىيه باў [biye baw] реалема ‘угощение, устраиваемое, когда в первый раз привязывают жеребят для доения кобыл (biye)’ [1, с. 47]; в современном Казахско-русском словаре указан другой аспект этого события – ‘весенняя стоянка, где привязывают жеребят дойных кобылиц’ [5, с. 149];

- پۇت [put] ‘средство’ [1, с. 48], вероятно, представляет собой фарсизм, см. персидск. بود [bud] ‘бытие, существование’, от которого образована фразема بود و نبود [būd o nābūd] ‘бытие и небытие; все состояние, имущество’;

- پەتتە [petne] ‘злодеяние’ [1, с. 48], образованное от арабского فتنه [fitnä] ‘смута, бунт, мятеж; подстрекательство; интрига; соблазн’ (фонетические вариации: fiytna, pitnä, pitna, pitna, pitine);

- تابىلدىرىق [tabıldırıq] ‘нижний косяк’ [1, с. 49] – гласный во втором слоге подвергся редукции (ср. литературн. tabaldırıq ‘порог’);

- جالاماي [jalamaı] ‘дорожная кибитка из одного войлока’; данная вокабула находится среди слов, начинающихся на слог jol-, следовательно, правомерна форма جولاماي [jolamaı], восходящая к субстантивному компаунду جولىم ئۈي [jolım üy] [1, с. 79], ср. jolım üy ‘походная кибитка, состоящая из одних унин и покрываемая кошмой’ [5, с. 311; 8, с. 292], диалектн. jolma üy ‘легкое, переносное жилье для временного ночлега’ [8, с. 291];

- تاندير [tandır] ‘корень’ [1, с. 54] – здесь составителями была допущена ошибка (см. в левой колонке в начале указанной страницы существительное تامبر [tamır] 1) *корень*; 2) *друг*); известно, что тандыром в центральной части Азии называется своеобразная печь-жаровня; в ней процесс приготовления пищи происходит за счет того, что сначала нагревают с помощью углей или костра стенки конструкции, которые впоследствии равномерно отдают тепло в течение длительного периода; изобретение тандыра позволяет экономно расходовать дрова и уголь < персидск. تنور [tänür] ‘печь для выпечки хлеба’ > арабск. تَنْوْر [tannūr] ‘печь; доменная печь’ < аккадск. tinūru ‘печь-жаровня, мангал особого шарообразного или кувшинообразного вида для приготовления разнообразной пищи’ (у народов Азии, Кавказа, Балканского полуострова и др.);

- تاڭكەنشىك [täwkenşik] ‘кашгарский чайник’ [1, с. 55];

- جاقىت [jaqıt] ‘яхонт’ – литературн. jaqut [1, с. 73];

- جاقتاۋ [jaqtaw] ‘отводы (саней и телеги)’ (1, с. 73);

- جاق جۈتى [jaq jütı] ‘полуголодание’ (1, с. 73) < jaq ‘челюсть’ + jut ‘джут’ (массовый падеж скота от бескормицы и голод, вызванный этим);

- образованная от слова جون [jon] ‘спина; возвышенная степь; плоскогорье’ лексема-дериват جونايىت [jonayıt] ‘слегка возвышенная степь’ [1, с. 80]; аффикс -ayıt ~ -eyıt используется в географических терминах: şöl ‘пустыня, голая степь’ > şöleyıt ‘безводное пространство; полупустыня’;

- جەبرەھى [jebrey], ءجۈيت [jüyt ~ jöyt] ‘еврей’ [1, с. 80] < узбекск. يەھود [yähud] < персидск. جهود [johūd] ~ يهود [yohūd] ‘еврей; иудей, жид’ < арабск. يهودى [yahudiy] ‘иудей; еврей’;

- جۇمالاق [jumalaq] ‘яйца, шулята’ [1, с. 83] – фонетические варианты с разными лексическими значениями: domalaq ‘круглый, шарообразный’ < doñğalaq ~ döñgelek ‘круглый; колесо’, диалектн. doğalaq ‘колечко’;

- شاكىچىل [şañğıl] ‘винтовка’ [1, с. 93];

- جۇرت [jurt] – дважды напечатано на с. 81: 1) *стан, лагерь*; 2) *народ* и 1) *народ*, 2) *место юрты*;

- جۇرداي [jurday] ‘голый’ [1, с. 81] – в современном Казахско-русском словаре эта лексема показана лишь в составе фразеологизма jurday bol- ‘утратить что-либо начисто, лишиться чего-либо полностью’ (например, mal-mülük’ten jurday bol- ‘полностью лишиться богатства’) [5, с. 320], но в электронной версии Большого казахско-русского словаря дан аналогичный перевод ‘совершенно голый’ [9, с. 210].

Вероятно, корень jur-, от которого с помощью сложного аффикса уподобления -day, образовано рассмотренное слово, лежит в основе лексемы jurt ‘место стоянки (аула); родня, близкие; люди, народ, публика’, (ср. азербайджанск. yurd ‘жилище, дом; родина’, алтайск. d’urt ‘двор; родина’, татарск. yört ‘дом, жилище; двор, усадьба; родина; страна’, турецк. yurt ‘жилище, дом; родина, отчизна; страна, край’). Первоначально jurt могло обозначать вытопанный, голый от растительности участок земли, где

прежде, до откочевки, располагалось мобильное жилище, а также близлежащая к нему территория;

- مونتا [monta] ‘лицемер’ [1, с. 189] – здесь мы можем выдвинуть два предположения: 1) в диалекте существовал краткий вариант слова montani ‘притворный, лицемерный, неискренний’ [5, с. 604], 2) в слове не дописаны две буквы; адаптация лексемы multani, заимствованной из языка народов Средней Азии и обозначающей выходцев из города Multan (ملتان), расположенного в пакистанской провинции Пенджаб; в некоторых районах Узбекистана и Таджикистана среднеазиатских цыган, которые вели кочевой образ жизни и занимались попрошайничеством, называют mültani (mültoni);

- نوغاي [noğay] ‘татарин’ [1, с. 195]; в современном казахском языке noğay ‘ногаец’ – обозначение представителя малочисленной тюркской народности (noğaylı – историзм, современ. noğaylıqtar ‘ногайцы’, ср. татарск. pıǵay ‘ногаец; татарин’); с этим этнонимом связано старое казахское название венерической болезни – قوتیر نوغاي [noğay qotır] ‘сифилис’ < qotır ‘чесотка, короста; парша’, ср. турецк. efrenci hastalıklar ‘венерические болезни’, букв. ‘европейские, франкские болезни’, ср. староузбекск. فەرەنگی علامەتی [färängi ğalämäti] ‘франкские симптомы’ – сифилис. Этот инфекционный недуг называли часто “французской болезнью” (mal français, morbus gallicus); во время царствования Ивана IV в Московии она была известна как “польская”, “немецкая” или “французская” болезнь (френч), в XVIII веке использовали выражение “франц-венерия”; в чукотском языке для обозначения этой заразы возникло словосочетание со значением ‘русская болезнь’.

Отметим диалектные аналоги и разговорные (фонетические) варианты литературных слов:

- اپالی-سېڭدېلى [apalı-siñdili] ‘старшая сестра с младшей’ [1, с. 7] – в словаре вместо اپالی ошибочно написано اپالك и буквосочетание لك [-lik] исправлено фиолетовыми чернилами на لی [-li] (литературный вариант – apalı-siñlili).

- اپته [äpte] ‘неделя’ [1, с. 8] – фарсизм, более близкий к оригиналу, в современном языке присутствует “твердый” сингармонический вариант – арта < персидск. هفته [häfte] ‘неделя’ < هفت [häft] ‘семь’ (ср. казахск. jeti ‘семь; неделя’);

- از عاق [azğaq] ‘невыносливый’ [1, с. 15] – фонетический вариант слова azğan ‘худой, истощенный; выродившийся, деградировавший’ < az- ‘худеть; истощаться; вырождаться’ (историческое чередование фонем /q/ ~ /ñ~ n/);

- ازمان [azman] ‘трутень’ [1, с. 15], см. литературн. azban ‘выхолощенный самец (мерин, вол, баран); человек, стремящийся показать утраченную силу, былую мощь’, татарск. azman ‘бастард, помесь; разнузданный, распутный, своевольный’ и однокоренное از عين [azğın] ‘выродок’ [1, с. 15] ~ татарск. azğan ‘развратный, распутный, сбившийся с пути’ > azğın ‘безнравственный, разгульный, развратный, блудливый’; эти слова образованы от глагола az- ‘сбиться с [истинного] пути, разбаловаться, развращаться, растлеваться’;

- **ءاسپر** [äsir] ‘век’ [1, с. 17] – литературный вариант ğasır < арабск. **عصر** [‘asr] ‘век, эпоха, эра, время; послеполуденное время, предвечернее время, время перед закатом солнца; вечер’;

- **اكبارالدا** [alda akbar] ‘Бог велик!’ [1, с. 22] – современное произношение: Allah äkbar ~ Alla’u äkbar; разговорная форма alda возникла в результате диссимиляции удвоенного согласного [ll], как в словах: **ءدبدا** [dilda ~ dildä] ‘золото; золотая монета пятирублевого достоинства’ < узбекск. tillä – от персидск. **طلا** [täla ~ tela] ‘золото; золотой’, **مولدا** [molda] ‘мулла, мусульманское духовное лицо’, исходный вариант которого в виде molla – от арабск. **ملا** [mulla] – реже употребляется в речи;

- **ءالبي بولسبن** [äliu bolsın] ‘Да будет так!’ (фраза, которую путник произносит в ответ на благопожелание Jolñ bolsın ‘Счастливого пути!’ [1, с. 24] – литературная форма: Äley bolsın! < Alay bolsın ~ Olay bolsın! Выше на указанной странице издания приведено слово в форме **ءالمي** [äley] со значением ‘пуще’;

- **ءيلهكمر** [äyleker] ~ литературн. ayłaker ‘хитрец, ловкач’ [1, с. 29] < арабское слово **ءيله** [hīlā], оформленное персидским аффиксом **ءگر** [-gär] > **ءيلهءگر** [hīlägär] ‘хитрец, обманщик, плут; интриган, каверзник; хитрый, лукавый; коварный’;

- **ءارءونه** [päriwene] ~ литературн. päriwana ‘ночная бабочка, мотылек’ [1, с. 47] < персидск. **ءروانه** [pärgwane] ‘бабочка, мотылек; гонец, вестник’ [10, с. 291];

- **ءارى** [parı] ‘пара’ ~ литературн. par ‘пара’ [1, с. 47];

- **ءشاوءى** [šāñgi] ~ литературн. šañgi ‘лыжи’ [1, с. 93];

- **ءوبرا** [dobra] ~ метатезированный, общеупотребительная форма **ءوربا** [dorba] ‘мешок, сумка’ (оба варианта – на с. 106), см. персидск. **ءتبره** [tobre] ~ **ءتبره** [tūbre] ‘мешочек, сумка; мешок для корма (подвязываемый лошади, ослу); торба’ [10, с. 348, 406].

Прежний владелец (вероятнее всего, носитель восточного диалекта, легшего в основу литературного казахского языка) к вокабулам, имеющим региональный характер, иногда дописывал привычные ему синонимы:

- **ءاجءء** [äjjet] ‘нужда’ (литературный вариант: qajet) – к этому слову-арабизму дописано однокоренное прилагательное **ءموءءاء** [muqtaj] ‘нуждающийся’ [1, с. 9], используемое также в качестве существительного со значением ‘надобность, нужда’;

- **ءاشءبش** [aşqış] ‘ключ’ – от замка [1, с. 10], ср. татарск. aşqıç (диалектн. äşkiş) ‘ключ’ (замочный, гаечный, музыкальный и т.п.), вокабула зачеркнута и чернилами черного цвета вписано слово, которое можно прочесть как **ءكبلءء** [kilīt], ср. узбекск. kälit, казахский литературный вариант: kilt ‘ключ’ (**ءكبلءء** [kilt] – [1, с. 183], турецк. kilit ‘замок’ < греческ. κλειδί ‘ключ’;

- **ءاسءم** [äsem] ‘красивый’ [1, с. 17] – в скобках вписан синоним **ءءءمى** [ädemi];

- **ءاسى** [ası] ‘грешный’ [1, с. 17] – приписаны слова **ءكؤنالى** [künäli]

‘виновный; виноватый; грешный’ (литературн. kinäli) и جازالى [jazalı] ‘подлежащий наказанию, несущий какое-либо наказание; виноватый’; в казахском языке арабизм известен в двух фонетических вариантах ġası и ası со значениями ‘богохульный; неповинующийся, непокорный; грешный; грешник’ (арабск. عاصى [‘asiy] ‘непокорный; мятежный; грешный; бунтарь, мятежник; повстанец; грешник’);

- الجاسباق [aljasbaq] ‘ошибаться’ [1, с. ۲۲] – в скобках рукой приписано فاتالانباق [qatalanbaq] – глагол, образованный от существительного qata ‘ошибка’ – литературн. qate < арабск. خطأ [hatā] ‘ошибка, погрешность, оплошность, уаущение, промах; проступок, грех; промах (при стрельбе); нарушение (правил игры); неправильный, ошибочный’;

- اياقتانديرماق [ayaqtandırmaq] ‘женить сына’ (букв. ‘поставить на ноги’) – это слово взято в скобки и сверху написано не вполне аккуратно ويلىنديرمهك [üylendirmeq] ‘женить’ [1, с. 27];

- باسقارما [basqarma] ‘управление; редакция’ – справа чернилами дописано презид[и]ум (с. ۳۲);

- باقال [baqal] ‘низкий’ – мелким почерком вписано синонимичное слово الاسا [alasa] [1, с. ۳۳];

- باؤلىق مەكتەبى [bawlıw mektebi] ‘единая трудовая школа’ (см. глагол bawlı- ‘приучать, прививать навыки; воспитывать’) – владелец словаря внес исправление в виде буквального перевода بىرلىك مەكتەبى [yeÿbek birlik mektebi], не вполне тщательно выполнив надпись [1, с. 34];

- بويەك [böbek] ‘дитя’ [1, с. 36], вероятно, это слово не использовалось в говоре, который был родным указанному лицу (жителю северо-восточной части республики), поэтому он написал черными чернилами синонимы, заключив их в скобки – بويە [böre], جاس بالا [jas bala]; на этой же странице приведена вокабула بويە [böre] со значением ‘младенец’;

- بۇرشەك [bürşek] ‘вершок’ [1, с. 40] – по всей видимости, вокабула представляет собой варваризм в виде фонетической адаптации русского слова *вершок*;

- پەس [päs] ‘плохой’ [1, с. ۴۷] < персидск. پست [päst] ‘низкий, невысокий; низко расположенный; низкий, подлый; презренный; ничтожный; низкий, басовый; тихий, негромкий’ [10, с. ۲۹۸] – в скобках фиолетовыми чернилами написан синоним جامان [jaman] – литературн. räs ‘низкий, низкорослый’; ниже следуют прилагательное پاک [pak] ‘чистый’ < персидск. پاک [pak] ‘чистый, опрятный; невинный, целомудренный; честный, безупречный’ [10, с. ۲۶۵] и производный глагол پاکتمەك [paktemek] ‘очищать’, к которым владельцем словаря приведены лексические аналоги – соответственно تازا [taza] и تازالاماق [tazalamaq];

- تاپانشا [tapanşa] ‘револьвер’ [1, с. 49] – в скобках чернилами написано التاتار [altatar] < alti atar ‘шестизарядный’;

- تابىسباق [tabıspaq] ‘примириться; соединиться’ [1, с. 49] – к первому значению этого слова ручкой приписано – تاتۇلاسباق [tatulaspaq], должно быть

орфографическое написание в виде تاتيؤ لاسپاق [tatıwlaspaq];

- سهك [sek] ‘сомнение’ [1, с. 131] – литературн. şek ‘сомнение, подозрение’ < арабск. شك [şek] ‘сомнение; неуверенность; подозрительность, недоверчивость’ [с. 518];

- سبمبالتبر [similtır] ‘дрянь, барахло’ [1, с. 136];

- ءمبني [mini] ‘вот’ [1, с. 193] – литературн. mine ‘вот’ (указательная частица) – сингармонический вариант, образован путем фонетического изменения указательного местоимения mina ‘это, эта, этот’ (см. minaw ‘этот’ < mina bu ‘вот этот’);

- مقبر [miqır] ‘короткошейный’ [1, с. 193] – семантика слова неоправданно сужена, не приведены значения ‘низкорослый, невысокий, маленького роста; коротышка, карлик’ [5, с. 614].

Укажем на случай допущения владельцем словаря фактической ошибки, возникшей из-за незнания определенного казахского фитонима и его русского аналога: на стр. 21 имеется лексема الابوتا [alabota], верно переведенная словом-тюркизмом *лебеда* (*Atriplex*), однако владелец книги, “корректируя” словарную статью, написанную арабской графикой казахскую лексему заключил в скобки, рядом мелким почерком чернилами вписал слова *лебедь*: اق - قوؤ [aq-quw].

Несмотря на введение в официальное употребление этнонима *казак*, в словарных статьях при толковании вокабул используются название *киргиз* и производное от него прилагательное. Так, например, к слову الاش [Alaş] приведено следующее пояснение: 1) *Мифический предок киргизского народа*. 2) *Боевой клич всех киргиз. племен* [1, с. 21].

Лексикографический анализ затронул лишь небольшую часть вокабул “Казакско-русского словаря”, изданного в 1925 году. Авторы обратили внимание на ряд лексем, относящихся к разрядам архаизмов, историзмов, диалектизмов и этнографизмов, вместе с тем ряд приведенных лексических единиц был рассмотрен в этимологическом аспекте. Кроме того, было уделено внимание принципам орфографии при написании казахских слов на основе арабской графики; к каждой вокабуле приведена транскрипция в квадратных скобках; выявлены и показаны факты ошибочного написания и перевода некоторых лексем.

Заключение

Исследованный словарный материал позволяет прийти к выводу о несомненной научной ценности для казахской лексикологии упомянутого письменного источника. Учитывая внесенные рукой прежнего владельца книги дополнения к некоторым вокабулам, данный экземпляр словаря оказался интересным в аспекте диалектологии.

Совершенствование литературного языка, утверждение его новых норм – процесс многофакторный, в котором участвуют не только современные писатели, создающие популярные художественные

произведения, журналисты, публикующие свои материалы в средствах массовой информации, но и масса носителей родного языка, оказывающих предпочтение определенным языковым средствам и тем самым влияющих на их общеупотребительность и устойчивость.

Существенная роль в проведении политики, целью которой следует считать укрепление коммуникативных и социальных функций казахского языка, принадлежит отечественным лингвистам, которые должны изучать родную литературу прежних времен, обращаться к диалектной лексике, к позитивному опыту создания терминологии в языках других тюркских народов.

Возвращение к латинизированной письменности должно быть импульсом, побуждающим превратить *ana tili* (mother tongue) в релевантное культурным запросам нашей нации средство общения, хранения и передачи информации, непосредственно связанной с современными проблемами науки, техники и искусства.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Казакско-русский словарь [Qazaqşa-orıssa tilmaş] / Х. Кеменгеров и др. – М.: Центральное издательство народов СССР, 1925. – 224 с.

[2] Камзабек-улы Д. Кошке Кеменгеров (Кеменгер-улы). – Электронный ресурс: <https://ie.kz/?p=25705&lang=ru>.

[3] Русско-узбекский словарь. – (مچسۇر - تەۋلەمەكۆمەچكىزۈڭ) [Rusçä-özbeqçä mükämmäl lügät]). – Изд. в 2-х частях. – Самарканд – Ташкент: Узбекское гос. изд-во. – I том – 1927; II том – 1928. – 695 с.

[4] Арабша-казакша түсіндірме сөздік. – 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ә.Т. Қайдарова. – Том 2. – Алматы: Мектеп, 1989. – 286 с.

[5] Қазақша-орысша сөздік (ок. 50000 слов) / Под ред. Р.Г. Сыздыковой и К.Ш. Хусаин. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 1008 с.

[6] Захир ад-дин Мухаммед Бабыр. Бабырнаме (Записки Бабур). – Алматы: Жалын, 1990. – 328 с.

[8] Краткий русско-казахский словарь / Под ред. Ш. Сарыбаева. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1987. – 448 с.

[8] Диалектологиялық сөздік. – Алматы: “Арыс” баспасы, 2007. – 800 б.

[9] Большой казахско-русский словарь. / Сост. К. Бектаев. <https://tilmedia.kz/js/pdfjs/web/viewer.html?file=/storage/2017/10/13/59e0814324a24.pdf>. – 697 с.

[10] Персидско-русский словарь. – 3-е изд., стереотип. / Сост. Х.К. Баранов. – Том 1. – М.: Русский язык, 1985. – 800 с.

[11] Арабско-русский словарь (ок. 33 000 слов). – 4-е изд., стереотип. – Том 1. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – 592 с.

REFERENCES

- [1] Qazaqşa-orıssa tilmaş [Kazakh-Russian dictionary] / H. Kemengerov and others. – Moscow: Central publishing house of Peoples of USSR, 1925. – 224 p.
- [2] Qamzabek-ıulı D. Köşke Kemengerov (Kemenger-ıulı) [Qamzabek-ıulı D. Hoş-Muhammed Kemenger’s son].– Electronic resource: <https://iie.kz/?p=25705&lang=ru>.
- [3] Russko–uzbekskiy slovar` (تەغۇل مەممەكۆمەچكىزود) Rusçä–özbekçä mükämmäl lügät [Russian-Uzbek dictionary]. – Ed. in 2 parts. – Samarkand–Tashkent: Uzbek state publishing house. – Volume I – 1927; Volume II – 1928. – 695 p.
- [4] Arabşa-qazaqşa tüsindirme sözdik [Arabic-Kazakh explanatory dictionary]. – 2nd ed., rev. and additional / Ed. A.T. Qaydarov. – Volume 2. – Almatı: Mektep, 1989. – 286 b.
- [5] Qazaqşa-orıssa sözdik (about 50000 words) [Kazakh-Russian dictionary] / Ed. R.G. Sızdıqova and Q.Ş. Hussain. – Almatı: Dayk-Press, 2002. – 1008 b.
- [6] Zahir ed-din Muhammad Babur. Babur-name [Zahir ed-din Muhammad Babur. Notes of Babur]. – Almatı: Jalın, 1990. – 328 p.
- [7] Kratkiy russko–kazakhskiy slovar` [Concise Russian-Kazakh dictionary] / Ed. Ş. Sarıbayev. – Alma-Ata: Main editorial office of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 1987. – 448 s.
- [8] Dialektologiyalıq sözdik [Dialectological dictionary]. – Almatı: “Arıs” publishing house, 2007. – 800 p.
- [9] Bol`shoy kazakhsko–russkiy slovar` [Large Kazakh-Russian dictionary]. <https://tilmedia.kz/js/pdfjs/web/viewer.html?file=/storage/2017/10/13/59e0814324a24.pdf>. – 697 p.
- [10] Persidsko-russkiy slovar` [Persian-Russian dictionary]. – 3rd ed., stereotype. – Volume I. – Moscow. “The Russian language” publishing house, 1985. – 800 s.
- [11] Arabic-Russian dictionary (approx. 33,000 words). – 4th ed., stereotype / Comp. by H.K. Baranov. – M.: Soviet Encyclopedia, 1970. – 592 p.

ҚАЗАҚША-ОРЫСША СӨЗДІК. 1925 ж.

(ҚАЗАҚША-ОРЫСША ТІЛМАШ):

ЛЕКСИКОГРАФИЯЛЫҚ ТАЛДАУ

*Илиуф Х.-М. Ш.¹, Солтанбекова О. Т.²

*^{1,2} Шәкәрім атындағы университеті, Семей, Қазақстан

Аңдатпа. Әлемнің басқа елдеріне үлкен мәдени, саяси және экономикалық әсер ететін жоғары дамыған мемлекеттердің постиндустриалды қоғамында әртүрлі теориялық зерттеулермен (эмпирикалық материалдарды талдау, бағалау және жүйелеу) бірге техникалық, мәдени және әлеуметтік мәселелерді шешуге бағытталған

ғылыми жетістіктерді қоғамдық тәжірибеге енгізуге көп көңіл бөлінеді. Әлемдік ғылыми әдебиеттерде қамтылған ақпараттың орасан зор көлемі адам қызметінің әртүрлі салаларындағы білімімізді кеңейтетін жаңа мәліметтермен үздіксіз толықтырылуды жалғастыруда.

Экономикасы табысты және өмір сүру деңгейі жоғары индустриалды және мәдени дамыған елдер санатына ену үшін біз экономикалық реформа мәселесіне ғана емес, сонымен қатар ғылыми-зерттеу қызметінің нәтижелілігін қамтамасыз ету және білім беру сапасын арттыру мәселелеріне де байыпты назар аударуымыз керек. Бұл проблемаларды шешу өскелең ұрпақтың заманауи білімді оңтайлы игеруі мақсатында қоғам өмірінің ғылыми, экономикалық, әлеуметтік-саяси және мәдени салаларындағы өзекті мәселелерге арналған әлемдік әдебиет туындыларын қазақ тіліне барабар аудару мәселелерімен тікелей байланысты.

Тілдің байлығы, ең алдымен, әр түрлі заттардың, құбылыстардың, ұғымдардың, іс-әрекеттердің, процестердің, олардың қасиеттері мен белгілерінің атауларын қамтитын оның лексикалық қорында екенін ескере отырып, қазақ тілінің сөздік құрамын ұлғайту, ғылыми ұғымдардың алуан түрлілігін барабар көрсетуге қабілетті терминологиялық лексиканы жан-жақты дамыту қажет.

Мәдениетаралық және мемлекетаралық байланыстардың күшеюі арқылы көптеген тілдердің лексикасын ағылшын тілінен алынған сөздер белсенді түрде толықтыра бастады. Алайда, тілді жетілдіру тұрғысынан архаизмдер, историзмдер мен диалектизмдер санатына жататын лексикалық бірліктерге назар аудара отырып, ішкі лингвистикалық резервтерді қолдану керек. Мәселен, *beren* деген историзм сөзі қазақ тілінде жоғары сапалы болаттан жасалған мылтықты немесе қанжарды білдіру үшін қолданылған, *beren kewdeşe*, *beren jiyulet* сөз тіркестерінің құрамында және *beren* лексемасы түрінде ‘оқ өтпейтін жилет’ мағынасында қолданыла бастады.

Бұл мақала 1925 жылы жарық көрген “Қазақша-орысша сөздіктің” бірқатар вокабулаларын семантика тұрғысынан, әртүрлі лексикалық топтарға (диалектизмдер, историзмдер, этнографизмдер) жататындығын зерттеуге арналған; жұмыста семантикалық талдау әдістері, кейбір сөздердің фонетикалық нұсқаларын салыстыру қолданылған; бірқатар лексемалар этимологиялық аспектіде қарастырылған; осы сөздікте жіберілген қателер анықталды және талданды.

Зерттелетін лексикографиялық басылым тек лексикология аспектісінде ғана емес, сонымен қатар қоғам қайраткері, лингвист, қазақ тіліне бейімдеп реформалаған араб әліпбиінің авторы Ахмет Байтұрсынов әзірлеген *töte jazıw* қазақ графикасының эволюциясы мен орфография принциптеріне тарихи тұрғыдан қызығушылық тудырады.

Тірек сөздер: архаизмдер, вокабула, графема, диалектизмдер, қазақ графикасы, лексика-семантикалық талдау, орфография, этимология, этнографизмдер

THE KAZAKH-RUSSIAN DICTIONARY (QAZAQŞA-ORISŞA
TILMAŞ): LEXICOGRAPHIC ANALYSIS

*Iliuf H.-M. Sh.¹, Soltanbekova O. T.²

*^{1,2}Shakarim University, Semey, Kazakhstan

Abstract. In the post-industrial society of highly developed countries that exert great cultural, political and economic influence on the rest of the world, along with various theoretical studies (analysis, evaluation and systematization of empirical materials), much attention is paid to the introduction into public practice of scientific achievements aimed at solving technical, cultural and social problems. The vast array of information contained in the world scientific literature continues to be continuously updated with new information that expands our knowledge in various fields of human activity.

In order to enter the category of industrially and culturally developed countries with successful economies and high living standards, we should pay serious attention not only to the issue of economic reform, but also to the problems of ensuring the effectiveness of research activities and improving the quality of education. The solution to these problems is directly related to the issues of adequate translation into Kazakh of works of world literature devoted to issues relevant in the scientific, economic, socio-political and cultural spheres of society in order to optimally assimilate modern knowledge by the younger generation.

Considering that the richness of the language, first of all, lies in its lexical fund, containing the names of various objects, phenomena, concepts, actions, processes, their properties and features, it is necessary to increase the vocabulary of the Kazakh language, to develop terminological vocabulary that can adequately reflect the diversity of scientific concepts.

The intensification of intercultural and interstate contacts has led to the fact that the vocabulary of many languages has become actively replenished with words, often representing borrowings from English. However, in terms of improving the language, internal linguistic reserves should also be used, referring to lexical units belonging to the category of archaisms, historicisms and dialectisms. For example, historicism *beren*, lit. ‘strong’, used in the Kazakh language to denote a gun or a dagger made of high-quality steel, as part of the phrases *beren kewdeşe*, *beren jiylet* and in the form of the lexeme *beren* began to be used in the meaning of ‘bulletproof vest’.

This article is devoted to the study of a number of vocabulary of the “Kazakh-Russian dictionary”, published in 1925, in terms of their semantics and belonging to different lexical categories (dialectisms, historicisms, ethnographisms); methods of semantic analysis, comparison of phonetic variants of some words are used; a number of lexemes are considered in the etymological aspect; identified and analyzed mistakes made in the dictionary.

The lexicographic publication under study is of interest not only in terms of lexicology, but also from a historical point of view on the evolution of Kazakh graphics and the principles of spelling, which were developed by public figure and linguist Akhmet Baitursynov, the author of the reformed Arabic alphabet – töte jazıw.

Keywords: archaisms, vocabula, grapheme, dialectisms, Kazakh graphics, lexico-semantic analysis, spelling, etymology, ethnographisms

Статья поступила: 14 апреля 2024

Информация об авторах:

Илиуф Хаджи-Мурат Шаяхметович – кандидат филологических наук, Университет им. Шакарима, Семей, Казахстан, e-mail: murat_20@mail.ru

Солтанбекова Орынбасар Туяковна – кандидат педагогических наук, доцент, Университет им. Шакарима, Семей, Казахстан

Авторлар туралы мәлімет:

Илиуф Хажы-Мұрат Шаяхмет-ұлы – филология ғылымдарының кандидаты, Шәкәрім атындағы университеті, Семей, Қазақстан, e-mail: murat_20@mail.ru

Солтанбекова Орынбасар Тұяқ-қызы – педагогика ғылымдарының кандидаты, доцент, Шәкәрім атындағы университеті, Семей, Қазақстан

Information about the authors:

IliufHadj-Murat Shayakhmetovich – Candidate of Philological Sciences, Shakarim University, Semey, Kazakhstan, e-mail: murat_20@mail.ru

Soltanbekova Orynassar Tuyakovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Shakarim University, Semey, Kazakhstan